

ПИНГ-ПОНГ, ИЛИ ГДЕ МОИ

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

Журналист, музыкальный обозреватель, переводчик. Родился в 1975 году в Москве. Окончил МНЭПУ. Сотрудничал и работал в штате в разных газетах и журналах («Московские новости», «Ведомости», «Время новостей», «Россий-

ская газета», Where Moscow, Play, Billboard, «Музыкальная жизнь» и т.д.). В его переводе опубликованы автобиографии Эрика Клэптона и Мэрилина Мэнсона, биографии Джона Леннона, Робби Уильямса, Led Zeppelin, AC/DC и др., а также исследования «Нап-

музыка стала свободной» Стивена Уитта, «Тинейджеры» Джона Севидна и др. Автор документального романа «Человек в бандане» о борьбе с раком. Лауреат премии журнала «Октябрь» в номинации «Критика» (2017).

...Ну шо ты, пацан, гоношисся, шо ты скочешь, як вошь, пузом стол отираешь? Отступи взад на метр, подбежать проще, чем отбежать, – тебя шо, тренер тому не учил? А, ты не с секции, не с спортшколы, самоучка... Ясно. Ну, держи, моя подача. Я ж выиграл, а енто тоже скушно, пацан, выигрывать все время! Ну ты, камон, подавай, «давай-давай», как орали в юности моей, на танцполах, авось меня и обыграешь... И девочка твоя порадуетсся... Или ей по хер весь этот теннис настольный... Или она не твоя.

Так, подача. Раз. Два. Чик-так. Насухую. Н-ну, извини. «Н-ну, иии-ззвини» – так в одном фильме говорил персонаж один. Привязалось вот с детства...

Ты вообще в который раз в пинг-понг играешь, пацан? Ого, всего-то? Неплохо. Нет, правда, держи петуню. Ну, тада щас кончим... закончим. Нет, ничья позор для обои... обоих... Для двух сторон, короче. Я лучше проср... извиняюсь, барышня, проиграю. Ну и какие мои годы, господи, на пенсию скоро, наср... Извиняюсь, барышня, что, Олесья? О'кей, ага. Красивое имя!

Мои подачи. Три один. Молодца! Да, Олесья? Так дядю обыграет! Разрядника!

Нет, правда ж пацан быстро учится. Вбирает. Сколько ему, 17, 19? Да хоть двадцать, дите по-любому. Рвется доказать, что он тоже уже... Ну а как еще. Если первокурсник, приехал в спортлагерь, кото-

рый уже не спорт- и не совсем лагерь, а просто дом отдыха за свои деньги, просто по линии института проще... Это и в мое время было, точнее, в наши первый-второй курс и началось, какой год – точно не скажу, но 90-е, это понятно, тема эта гнилая... Почему гнилая, а потому, что спорт у них тут литрбол, но это ж и у нас, и у меня, точнее, было, че я гоню...

Этих компажка тут, стайка, вижу, ходят, стадо такое маленькое, парни разного вида, пара девочек высоких-худых, телочки вроде бы, но не ихние, тоже видно...

Этот чемпион мой тоже пытался выиграть у высокой, у Олеси этой, ну, выиграл, на кураже чисто, молодец, она совсем никакая в пинг-понг, не мы выиграли, а вы проиграли, из серии... Но ты тоже не Джон Макинрой... Лана, уступлю, не ссы... Я ж говорю, ничья унижает – как будто оба ни на что не способны. Я лучше в одном проиграю, в другом выиграю. Я, кстати, выиграл уже, по жизни, кстати, где мои-то, ушли мороженое кушать... Это ж обожраться. И слова не скажи: дорогая, доча много мороженова кушает – а тебе че, жалко мороженова для ребенка? Тфу, хер с вами, жрите что хотите. Я пока в пинг-понг с молодежью. Сам не старик, кстати. Поняла, ба-буля?!

Не, как ему ни проиграй, перед Олесей ему не выделяться. Шансов никаких. Спроси, кто вы че, просто друзья. Ну, с таким настроем, знаешь... просто дружбы не бывает, пацан. Тут либо любовь взапас

целую-в-десны, либо кому-то что-то надо от другого, а другой рад, что донор. Третьего не дано.

О, еще раз твои подача? Ма-ла-дец! Олеся, как он, а?.. Так, ага... Не-не, признаю, все видели. Держи пеху, чемпион! Спасибо за игру. Олеся, вам-то как? Ну, что парень ваш у разрядника выи... Разряд есть, ага. Ну давно ж это было, слушайте, я вам в отцы гоюсь, чего теперь... Давайте, отдыхайте, всего, как говорится...

Так, и где мои-то? Где мои?

Браток, пивка мне... какое есть похолоднее... «Рогань» типа специфика местная, ага, название, как и вкус, как ры... Не, ничо. Хотя тепловато. На такой-то жаре льда хочется. Жидкого льда. «Бот-шкуу», кег в смысле, подожду.

Блин, тут все меняется и все то же самое. Как же мы тут пили пиво это тепловатое днем и крепленое вино вечером и ночью? Это ж невозможно: печень прищурилась. Где мои, а, нормально, надо уже на обед идти, в кафе-гриль «Кубаночка», кабаночка, как я говорю, и все ржут.

Пивко ничего... грубовато, но ничего. Горькое. Натурпродукт. А Олеся эта ничего, сиськи маленькие, первачок, но свои, бедра коровьи, но тоже на пользу... Тебе, чемпион, ничего не светит, ибо нежелы выше тебя на полголовы, а дылды коротышек не любят, по себе знаю. Хотя когда как.

Мы тут тоже резались. Я-то по настольному теннису ок, я тут всех и подбил, после второго курса чтоб смотаться в спортлагерь, хотя только паре человек вышло бесплатно, за остальных предки пробашляли, но это ж 90-е, тут по-любому плати, никто никому ничего не должен. А у нас там Полинка такая... Нет, у русских ни ума, ни фантазии – имена во всех поколениях как под копирку. В моем все Насти и Полины, раньше Юли, потом Софьи, Олеси через «о» и «а», офигенная разница, а моя вполне с нейтральным именем. Библейским. Надеялись. Оказалось, песня, говнороманс или шансон, «Анна / На кушетке бездыханна». Мне откуда такое говно знать, я – Nirvana, Guns N'Roses... Я тебе покажу бездыханна, чмошник, токо пальцем тронь... Кстати, где они? Браток, давай еще стаканчик, нагревается быстро... О, новый кег, отлично, освежусь... Блин, что это?.. Ладно, ладно, никаких претензий...

Олеся... тоже песня была такая советская, дебильная. Дважды дебильная: как советская и как пункт бэ, песня с именами. «Алисааа умеет в блокнотиии...» Позорище. Кстати, Алис тоже развелось, видать, миелофонами уже перестали дразнить, наконец-то. А так рифма дебильная к имени присохнет – не отвяжется.

Я-то лично на секции с 10 лет. Родоки отдали, чтоб дома не отсвечивал. А мне и по кайфу там, а то дома делать нечего – родоки до ночи в кооперативе своем, потом у них платка, тогда у все палатки у метро или точка на Лужниках или Черкизоне. Переход к рынку. Перешли вот...

Все-таки сказали иди в технический вуз. Ну, пошел, благо конкурс никакой. Поток – все парни, пара девочек. Реально красивые! Нет, точно! Не знаю уж, за что нам так повезло... или мне не повезло. Нет, я знаю все эти присказки: хочешь стать красивой – поступи в технический вуз. «Девушка, вы в МИФИ учитесь? – На себя посмотри, уродина!!!» Полинка звезда реально. Конечно, хотелось перед нею... И получилось. Тоже какой-то дядя пожилой за тридцать с нами играть вязался, я его, конечно, насухо – ни хрена не умеет! – а он такой, спасибо, парень, за игру, и купюру кладет на стол. Я тут же в карман шорт джинсовых обрезанных ее сую и Полинке подмигиваю. Она плечами пожимает. Вечером она на танцах с этим не танцевала, нет, всего-то о чем-то говорила недолго, потом оба исчезли, я пошел поискать, но нажавшийся упал в кусты, «вертолет» утянул, и до утра пролежал... Очнулся не до того, как будто ничего и не было, а может, и не было, мне уже пофиг. Вообще двадцать пять лет тот эпизод не вспоминал. Вернулись в Москву, доучились, военные сборы, диплом, распределения нет, ничо не должен государству, дальше трудоустройство по блату, там своя семья... Где мои с курса, не знаю, интересно, но искать по соцсетям лень, сюда вот заехали по старой памяти, все равно никуда не выпускают...

Не, ну где мои-то, где мои? Волнуюсь!

27.02.2022

НИКТО НЕ СОВЕРШЕНЕН

РАССКАЗ

Я не узнал Роджера: вместо легендарного барабанщика стадионной группы семидесятых в студию вошел старичок, какой-то очень маленький, худой до угловатости.

«Вот это наш второй звукоинженер», – представил меня продюсер.

«О'кей, соo!», – улыбнулся Роджер. Знаменитая улыбка, лукавая, двусмысленная – на всех обложках альбомов, и постерах, и значках, и прочей продукции. Улыбка сводила с ума и девочек, и мальчиков. Еще – ямочки на полных щеках, вместо них теперь глубокие морщины. Некрасиво постарел. Я устыдился этой мысли. Сколько ему сейчас, 70? Как говорить, дай нам бог в его годы сочинять и выступать. Правда, он несколько лет молчал, ничего не было известно о его проектах, и вот этот новый альбом, на который меня пригласили поработать эдаким техническим продюсером, – он, я так понял, готовится втайне. Ну это меня не очень удивило: пиар-ход, значит, такой. Хотя, может, еще что.

Да, так вот я пришел, когда Роджер уже уходил. Бледный, с потом на лбу. В цветастом кашне на плечах – хоть в студии тепло, да и зимы у нас мягкие, не в России живем. Надел тонкое кашемировое пальто и, как говорится, покинул здание. Совсем не похож на рок-звезду.

Я тут же проверил, сколько лет – 69. Через пол-года семьдесят. Ого. Я, между прочим, сам фанат его

группы, с детства. Живи до ста лет! А этот альбом с рабочим названием «Nobody's Perfect» пусть будет подарком на семидесятилетие.

Моя задача как звукоинженера – собирать и микшировать партии, гостями записанные. Но мне интересен исходный материал. А он вообще-то полностью готов. Роджер в домашней студии сделал очень высококачественное демо. Сам сыграл все, понятно, барабаны, но также и бас, ритм-гитары... На соло-гитары он, вполне логично, позвал своих друганов типа Эрика Клэптона и Джеффа Бекка – они должны были прислать свои записи из Англии позже, это не мое дело уже. Бас, ритм-гитары и клавиши должны были переписать местные музыканты, обязательно – молодые и виртуозные. «Но чтоб точно все мои штрихи снимали!» – велел Роджер. То есть играет вроде как он, но – не он. История знает кучу альбомов, полностью сочиненных и записанных одним человеком – от Пола Маккартни до Ленни Кравица. Роджер так не хочет: «На всем сам клево не сыграю. Никто не совершенен!»

Вокал у него удивительный. Это вокалом назвать нельзя – хриловатый шепот. Чем тише – тем лучше. Как будто тебе в ухо говорит. Но, конечно, устает. Несколько дублей – на последнем уже... даже ноты врет. Я удивился, когда понял, что отбираются именно эти, последние дубли, усталые и с «лажей», так сказать.

Но барабаны его звучат как тогда. Гром и молния. Одно прикосновение палочкой к тарелке: и шум — как град по жестяной кровле... Это его, фирменное. Барабаны Роджера пробивали стадионы. И дело не в аппаратуре — это в пальцах. Он и ведром ржавым стадион пробьет.

Но барабаны его звучат как тогда. Гром и молния. Одно прикосновение палочкой к тарелке: и шум — как град по жестяной кровле... Это его, фирменное. Барабаны Роджера пробивали стадионы. И дело не в аппаратуре — это в пальцах. Он и ведром ржавым стадион пробьет. Как Кит Мун или Джон Бонэм, друзья его покойные.

Я послушал первым делом мультитрек, отметил странное: барабаны загоняются. О чем, пересекшись с Роджером, попытался ему сказать.

— Мистер Карпен...

— Роджер, — оборвал он меня. — Зови меня Роджер, дорогуша.

Роджер для всех, Реджи для близких. Я не близкий.

— Да, прости, что хотел сказать?

Я начал объяснять, что в таком-то треке, называется, кажется, «Heaven Is...», то есть «Here in Heaven», простите, барабаны «загоняются» в финале, такт как будто обрывается, и что это так и надо ли, и в горле у меня пересохло: какая чушь, с таким банальным перфекционизмом только с молодыми группами работать (что я и делал ранее), не с корифеями. Он слушал, наклонив голову, нахмурившись и покусывая кулак. Потом вдруг улыбнулся:

— Ну, никто не совершенен!

И — покинул здание. А я все свел очень легко и просто в итоге. Все «село» куда нужно.

Да, вопросов я особо задавать не мог бы. Роджер работал по странному расписанию: с 11 утра до 3 часов дня. Время, когда рок-музыканты только просыпаются, и раньше пяти в студии ждать некого.

В одном треке Роджеру нужен был синтезатор. Старинный аналоговый. Сейчас все это можно сделать на компьютере — собственно, в демозаписи звучит комп, но он четко продюсеру приказал: винтажный Oberheim OB-Xa. У него звук такой, знаете, булькающий, смешной. Куча хитов 80-х с ним записана, сейчас не вспомню, что именно, но голос прям характерный. И вот такая фигня старомодная Роджеру нужна зачем-то. Там партия к тому же примитивная: ты-ды-дыры, тырыдым. Буги-вуги такое, только электронное. Приколно, правда.

Ну, в нашем мировом мегаполисе, столице мира, любой инструмент можно найти за денежку. А музыкантов — за гроши, только брось клич — очередь у входа в студию.

Продюсер нанял некоего Адама Лейкмана, под тридцатник парня. Он мне рассказал, что Роджер когда его увидел, говорит: ох, ты ж небось сын Дика Лейкмана, клавишника такой-то группы, ну прям spitting image, вылитый отец! Мы ж с ними в турне ездили в каком году... семьдесят... тебя еще на свете не было, наверное! А старик твой мне с тех пор ящик виски должен, напомни при случае, я не пью, здоровье не позволяет, но тут дело принципа! И это, знаешь: играй от души, как ты сам чувствуешь, как надо... Никто не совершенен, несовершенства делают личность.

Адам так испугался, что сыграл аж двадцать дублей этого «тыгыдыма» — а он реально мастер всех этих синтезаторов, что понятно: сын своего отца, вырос в домашней студии, набитой этой парафернализацией. Роджер также оценил его игру как совершенную. И я дико удивился, когда мне велено было миксовать последний дубль, усталый и с ошибкой на коде... Кто я такой, чтобы спорить?

Через пару недель такой работы мне позвонил продюсер, ну, тот самый, главный:

— Не выехал еще? Хорошо. Сегодня не приходи, Роджер не смог... В общем, делать нечего пока что. Нет-нет, все нормально, все по плану, просто ему надо там по личному вопросу... Короче, я тебе позвоню завтра, скажу, что куда.

Завтра он мне не позвонил. И вообще не позвонил. Просто прислал чек... Это что значит, что меня выперли с проекта? Чего я не так сделал? Впрочем, что угодно: никто не совершенен. И я стал искать

другую работу, не зная, как сильно поднимутся мои акции всего через шесть месяцев.

Через полгода альбом Роджера «Nobodys' Perfect» вышел, на всех носителях во всех форматах, на всех площадках. Аккурат к его юбилею. Об этом аж в новостях рассказали. Жаль, Роджер не смог оценить качество издания. Оказалось, что он уже во время записи был болен серьезно. Там счет шел на недели, как неделикатно сказал ему его врач. Отсюда атмосфера секретности, странные «не рок-н-рольные» часы работы – тогда только силы есть. И отмены записи, потому что срочно поддерживающая терапия нужна. А барабанил он в кашне потому, что мерз всегда: худой и кровь плохая.

Я нашел альбом на стриминге, подключил айфон к хай-фай-системе и прослушал внимательно. Результат меня ошеломил: Джизас, я ж принимал участие в работе над шедевром! Огромный помпезный саунд, классные песни, и чувство такое... искренность прям сочится. Как будто родной человек тебе что-то очень важное сказать пытается. Цельный шедевр. То, что я принимал за ошибки и неточности, – именно они сработали на живость и искренность. Мне даже жаль стало, что такое чудо выходит в наше время, когда все слушают не альбомы, а отдельные песенки и плей-листы безвкусно наобум составленные, через пищашие модные наушники... Не оценят. Нет...

Через неделю по выходе альбома я, сидя на кухне с полуденным кофе, смотрел новости в ютубе. Чуть ли не ВВС объявило, что у альбома небывалый успех, в первую неделю сотни тысяч прослушек и хорошие продажи физических носителей. И вообще – кандидат на первое место в альбомном чарте США, докуда даже группа Роджера не добивала во время оно.

Какой-то гнусавый музыкальный критик «объяснял», что дело-де в искренности, винтажности, что сейчас такого никто не делает и так далее... Задним числом все объяснить можно, но вот тут я бы спорить не стал.

Было.

А сингл «Here in Heaven» уже на первом месте. «В этой песне смертельно больной музыкант рассуждает о том, что хотел бы встретиться со своими друзьями в раю, куда сам попадет вряд ли, ибо никто не совершенен».

17.03.2022